

УДК 141.5

DOI: 10.17223/1998863X/32/3

М. Денн, Ф. Тепп

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА *ЯВЛЕНИЯ И СМЫСЛА* В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ГЕРМЕНЕВТИКИ

*Книга Шпета – это первый текст, который представил содержание первого тома гуссерлевских *Ideen* аналитическим и критическим образом. Герменевтика и феноменология в тексте тесно связаны и постоянно пересекаются, здесь же имеются размышления о структуре слова и выражения, что усиливает аргументацию об идейном единстве творчества философа. В статье обращено внимание на решение ряда проблем и трудностей, с которыми столкнулись переводчики.*

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, явление, феномен, структура слова и выражения, объект, предмет, проблема «Я».

Книга Густава Шпета *Явление и смысл* [1], опубликованная в 1914 г., считается первым текстом, представившим содержание первого тома гуссерлевских *Ideen* [2] аналитическим и критическим образом. С одной стороны, феноменология и герменевтика в этом тексте тесно связаны и постоянно пересекаются. С другой – *Явление и смысл* славится изобретением в 7-й главе так называемой структуры слова и выражения.

В связи с этими двумя пунктами развивались противоположные тезисы: с одной стороны, тезис о единстве творчества Шпета, т.е. о связи, преемственности, существующей между разными произведениями Шпета (на основе того, что дано в *Явлении и смысле*); с другой – тезис о прерывности (переломе связности) в развитии творчества Шпета, т.е. о так называемом герменевтическом повороте, вследствие которого герменевтический период как бы сменял феноменологический, и о новом понимании структуры, постепенно становящейся алгоритмом и заменявшей первоначальную структуру *Явления и смысла*.

Ещё в книге о влиянии идей Гуссерля и Хайдеггера в России [3], первой книге, написанной во Франции, в которой речь идёт о *Явлении и смысле*, я отстаивала идею о единстве и непрерывности. Это было в 1998 году. Прошло 17 лет, и сегодня, после того как развернулась полемика по этой теме, состоялись дискуссии во время разных конференций и семинаров в России и в других странах¹, я готова, с некоторыми нюансами, привести ту же самую аргументацию. Статьи и книги, опубликованные мной в этот период, позволили мне несколько раз возвращаться к этой проблематике, углубить анализ, расширить перспективы – я могу сослаться на статьи о герменевтике в твор-

¹ Например, Международная конференция «Gustav Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique» [Густав Шпет и его наследие. К русским истокам сруктурализма и семиотики], которую мы организовали в Бордо, в ноябре 2007 г., в сотрудничестве с журналом «Вопросы философии».

честве Густава Шпета [4], на ссылки о номинализме в *Явлении и смысле* [5, 6] и на разные статьи о теме структуры и её становлении в творчестве Шпета². Наконец, десятилетие, которое мы с Франсуазой Тепп провели над переводом текста *Явления и смысла* [1, 12], выход в свет перевода этой книги в издательстве Дома Гуманитарных наук Аквитании (MSHA), коллекция «Россия. Традиция. Перспективы», укрепили меня в убеждении: *Явление и смысл* является основной работой в творчестве Густава Шпета не только потому, что она первая, но и потому, что она даёт базу и ключи для понимания всех других его работ, для освоения единства его творчества. Как мы знаем, в *Явлении и смысле* переплетение феноменологии и герменевтики помогает Шпету раскрыть сущность феноменологии (ту самую сущность, которую, по его словам, сам Гуссерль не мог открыть). В самом этом стремлении Шпет отделяется от Гуссерля, выдвигает и экспериментирует существование определённой структуры с определённым содержанием, явившейся архетипом любого смыслового комплекса высказывания. Таким образом, пересекаются и дополняют друг друга эти две темы, которые я изначально подчеркнула, отделив их друг от друга. Такая установка – основная для интерпретации всего творчества Густава Шпета. Именно в *Явлении и смысле* Шпет обращается к герменевтике, чтобы представить феноменологию основным и существенным образом и вывести все следствия из её представления; он опирается и на герменевтику, чтобы развернуть феноменологический подход во всем его размахе. Если мы обратимся к более поздним произведениям Густава Шпета, мы не выявим эту его основную идею в определённых текстах (будь то тексты об эстетике, театре или языке), если мы не будем устремлены к сущности его философии, т.е. если каждый раз не будем применять и повторять тот самый герменевтический круг, который в *Явлении и смысле* позволил Шпету открыть сущность феноменологии. Именно в этом укоренён интерес Шпета к герменевтике. Именно поэтому он обратится потом к творчеству Дильтея. Это не значит, что с этого начнётся новый период в творчестве Шпета. Это только значит, что, обращаясь к Дильтею, создателю герменевтики, Шпет развёртывает подход, который он уже употребил, обратившись к Гуссерлю, но на этот раз он стремится к сущности герменевтики, представленной Дильтеем. То же самое произойдет с Гумбольдтом, когда Шпет обратится к проблематике *Внутренней формы слова*. Но герменевтом Шпет уже выступил в *Явлении и смысле*, и уже в *Явлении и смысле*, стремясь к уяснению сущности феноменологии и выдвигая структуру слова и выражения, он требует от своего читателя, чтобы и читатель стал герменевтом.

В связи с этим мы могли бы показать, как структура слова и выражения, именно в той форме, в которой она представлена в *Явлении и смысле*, есть та же самая структура, о которой идёт речь и в *Эстетических фрагментах*, и в *Театре как искусстве*, и во *Внутренней форме слова*. Она есть та же самая структура, которая подразумевается и в других произведениях Густава Шпета – как в *Очерках развития русской философии*, так и во *Введении в этническую психологию*. Интересно только показать посредством точного

² Среди самых важных: [7–11].

и углубленного анализа этих текстов, как Шпет меняет уже не самую структуру, а представление о её составных элементах. В этом отношении, проникая в суть того, что Шпет имеет в виду под структурой слова и выражения, мы можем понимать, как, исходя от определения структуры слова в *Явлении и смысле*, он смог во *Внутренней Форме слова* вывести специфичное понятие алгоритма.

Перевод на французский язык текста Густава Шпета *Явление и смысл* научил нас ещё и следующему: в этом тексте формируются не только главные идеи Г. Шпета, которые будут руководить становлением всего его творчества, но формируется его стиль, проявляется его собственный язык, явившийся одновременно и философским, и глубоко индивидуальным.

Именно перевод позволил нам через осмысление тех трудностей, которые мы встретили (хотя, конечно, не все трудности можно представить здесь), выдвинуть некоторые характеристики стиля самого Шпета и уяснить некоторые пункты или понятия шпетовской мысли.

Явление и смысл содержит лингвистические факты как смысловые передвижения, терминологические переоценки, лексические изменения, которые означают определённое направление мысли и происходят одновременно с её развитием. Кажется, что Шпет, сначала скованный терминологией немецкого идеализма, постепенно, по сдвигам в значениях слов освобождается от данной терминологии. В *Явлении и смысле* это осуществляется по двум разным, но сходящимся путям. Первый путь восходит к грекам, к Фоме Аквинскому, к Декарту, второй – связан с герменевтикой и требует герменевтического подхода. Г. Шпет ходит по такому двойному пути, когда он прибегает к греческому или к латинскому языку, а ещё к русскому обыкновенному языку.

Покажем это на следующих примерах:

► Проблема, связанная с переводом слова «явление». Немет (Nemeth) перевёл «appareance»; мы перевели в заглавии книги словом «*phénomène*», но в самом тексте употребляли тоже иногда «appareance». Почему и к каким выводам это нас ведёт? Есть, конечно, и просто эвфонические причины: по-французски «appareance» подразумевает что-то ложное, обманчивое. Само слово звучит более простым, разговорным, чем «*phénomène*». Но есть и другие, более глубокие причины, и, как мы увидим, связанные с характеристиками шпетовской мысли.

Впервые мы можем это отнести к стремлению Шпета отстраниться, хотя бы постепенно, от обычного регистра немецкого идеализма, от Канта до Гуссерля (*Schein, Erscheinung, Phänomen*). Это видно изначально: Шпет не хочет сковывать себя твёрдой, негибкой и неизменной философской терминологией. Например, мы перевели «appareance», когда слово употреблялось в уже зафиксированном традицией значении: в первой главе «мир явлений» [13. С. 47] // «*le monde des appareances*» [12. Р. 31]. Но далее Шпет даёт нам ключ для понимания его употребления слова «явление» в уже более гибком смысле. После того, как он уравнивал слова «явление» и «феномен», он объясняет, что именно имеет в виду под словом «феномен»: «Феномен может приобретать сколько угодно значений» [13. С. 49] // «*Le terme phénomène peut avoir autant de significations qu'on veut.*» [12. Р. 33]. Чем дальше мы продвигаемся по тексту, тем больше видим, как Шпет старается отличаться от

Гуссерля, всё больше слово «явление» употребляется в рамках проблематики конституирования, которая станет преобладающей у Г. Шпет, уже не только как проблематика, восходящая к феноменологии, а как указывающая на специфическую установку, которую Шпет разрабатывает, опираясь и на герменевтику, оставляя в стороне естественную установку. Можно было бы анализировать каждый случай употребления слова «явление» и перевода его словом или «*appareance*» или «*phénomène*», мы заметили бы тогда такой постепенный сдвиг в значении слова, отражающий самое развитие эвристической мысли, по которой Шпет стремится выделить и уяснить основную структуру конституирования культурного мира. А поворот происходит главным образом в 6-й главе, когда мы ещё имеем дело с понятием «*appareance*» в смысле эмпиризма и трансцендентализма (именно это обосновывает выбор слова для заглавия), но когда явно открывается герменевтический горизонт с преобладанием специфичной интеллигибельной интуиции. В качестве примера можно сослаться на следующий отрывок, где мы находим новое и точное определение понятия: «Мы из анализа "положения" как единства смысла и тетических моментов, приходим к понятию "явления" как взятого в его наглядной полноте смысла интуитивного положения» [13. С. 148] // «à partir de l'analyse du "*positum*" en tant qu'unité du sens et des moments thétiques, nous parvenons au concept du "*phénomène*" en tant que sens du *positum* intuitif, pris dans sa présence pleine» [12. Р. 143]. Здесь Шпет ссылается на Гуссерля, т.е. мы находимся в рамках феноменологии, но указано именно то, что поможет Шпету закрыть свой герменевтический круг.

► Другие примеры могут нам позволить, как и предыдущий, следить за развитием шпетовской мысли, благодаря многозначности некоторых понятий, которые явно проявляются в одном или другом из употреблённых языков (русского или французского) иногда с помощью или с напоминанием другого языка (латинского, греческого, немецкого, английского).

● Это происходит со словами «предмет» и «объект», которые соответствуют немецким словам «*das Objekt*» и «*der Gegenstand*», но которые во французском языке сливаются в единственном понятии «*l'objet*». В таком контексте то, к чему мы стремимся в переводе, выходит за пределы значения французского слова и охватывает значения, предоставленные другим понятиям (par exemple: *la chose*). По сравнению с русским языком (или немецким) во французском языке возникает некая неопределённость (смотрите словарь, который мы дали в конце книги, мы считали себя обязанными дать по-французски некоторые объяснения для перевода этих слов, и это мы сделали приблизительно и с помощью перефразирования). Это, конечно, было связано с некоторыми затруднениями в переводе. Но именно эти затруднения нам помогли уяснить некоторые характеристики шпетовской мысли. Например, Шпет переводит гуссерлевские «предмет» и «объект», подобно тому, как ранее переводил «явление» и «феномен» [13. С. 131]. Это не представляет затруднения по отношению к немецкому языку, и перевод с немецкого на русский ничего не меняет. Но что касается перевода с русского на французский, то здесь возникает ряд трудностей. Ricœur перевёл (или, лучше сказать, объяснил): «*l'unité objective*» [14. С. 441–442], мы сохранили его перевод [12. Р. 124], но надо обратить внимание на то, что «*l'unité objecti-ve*» –

перевод слова «объект», а не слова «предмет». Давайте уточним, что мы должны иметь в виду, когда переводим шпетовское слово «предмет» на французский. «Предмет», в противоположность «объекту», имеет какую-то независимость по отношению к субъекту, он не является только коррелятом, он является более конкретным или наличным (поэтому, наверное, Nicolas Zavaloff перевёл «предметный» [15. С. 99, сн. 2] // «matériel» [16. С. 162]. Однако, как мы сказали, «предмет» включает в себя и некую неопределённость, которая связана у Шпета, как и у Гуссерля, с «чистым Х» [13. С. 131; 12. Р. 124] и которая будет вести его к употреблению именно слова «предмет», чтобы назначить то, что открывается интеллигибельной интуицией (то, что уже в *Явлении и смысле* подразумевается под энтелехией). Как мы знаем, у Шпета именно «предметность» станет в дальнейшем аналогом энтелехии. Точное окончательное определение «предмета» мы находим не в *Явлении и смысле*, а во *Внутренней Форме Слова*. [15. С. 99]³. В *Явлении и смысле* это ясно выражается только в конце [13. С. 175, 177; 12. Р. 174, 179], но ранее Шпет это подразумевал, особенно с тех пор, как он начал отмежевываться от Гуссерля и формировать свой собственный подход [13. С. 141; 12. Р. 135–136]. Всего это достаточно, чтобы подтвердить тезис о единстве творчества Шпета и показать, как работа над переводом его текстов позволяет углубить и уяснить его философскую мысль.

• Другой пример, вопреки предыдущему, демонстрирует богатство французского языка и многозначность, и в то же время, гибкость русского языка. Это касается перевода местоимения «Я» местоимениями «Je» или «Moi». Это, конечно, тесно связано с проблемой субъекта. Но интересно посмотреть, как Густав Шпет прибегает здесь к Декарту, к картезианской латинской терминологии («cogito» и «ego cogito»), чтобы уточнить то, к чему он стремится через проблему «Я». Именно постепенный переход от просто «cogito» к «ego cogito» соответствует у него переходу от естественной установки к феноменологическо-конститутивной. Это значит, что Шпет, заботясь о проблематике субъекта, выбирает между русскими и латинскими терминами в зависимости от момента его анализа и от того, что он хочет подчеркнуть. Не удивительно, что ещё во второй главе о «Чистом сознании» Шпет, стоявший на стороне Гуссерля и упрекавший Декарта в том, что он остаётся верным естественной установке, употребляет именно слово «cogito», чтобы описать такую установку. Здесь «cogito», употреблённое без «ego», означает просто сам акт мышления, прежде всего в связи с «cogitatum», т.е. с данными чувственного восприятия [13. С. 62; 12. Р. 42]. Само «cogitatio» не является «интенциональным объектом»; однако мы можем обратить внимание на него, «направить на него свой *рефлексивный* взор» [13. С. 62; 12. Р. 42]. Интересно заметить, что здесь, в рамках описания естественной установки с точки зрения феноменологии, обнаруживается то, что в течение всего текста обосновывает герменевтический подход. Именно такой подход помогает Шпету немного позже задать вопрос о возможности

³ «Точнее: самый предмет [...] – forma substantialis, по отношению к которой formae accidentales, в их совокупности, можно рассматривать как объектное содержание. Однако "предмет" рассматривается как форма и по отношению к совокупности "вещей". Эти формы могут быть названы эйдетическими, поскольку эйдос берётся в его качестве species. [...]» [15. С. 99].

«подвергнуть сомнению "тезис Я"» [13. С. 67; 12. Р. 53], но утверждение о невозможности сомневаться в этом тезисе открывает для него путь к новым предложениям. Это происходит в третьей главе о «феноменологической редукции», когда меняется и самое назначение «Я». Редуцированный «Я» больше не является простой частью мира, «вещью в мире». В переводе мы следовали Рикёру и философской французской традиции и перевели его «Je Moi». Но надо иметь в виду, что здесь мы уже вышли из контекста простой «cogitatio» и находимся в контексте «чистого Я», le «Moi pur» [13. С. 88; 12. Р. 75], который Шпет представляет как «трансцендентность в имманентность» и этим открывает свой новый горизонт истолкования «Я». В интервале между естественной установкой и феноменологической редукцией мы иногда чувствовали себя более свободными и переводили «Je», особенно когда Шпет хотел выразить «актуальную направленность» сознания, его «акт», но ещё «не совершенный» [13. С. 86; 12. Р. 73]. Именно в этот момент появляется в русском тексте полное картезианское выражение «ego cogito». Подобное включение ego является решающим: в «ego cogito» ударение уже падает не на «cogito», а на «ego». С этого момента Шпет, бывший учеником Гуссерля, пробивает свой собственный путь в феноменологии и как будто предвещает то, что напишет Гуссерль в *Картезианских размышлениях*. Сразу Шпет подчёркивает два направления в истолковании «Я»: во-первых, «без своего сознания Я – ничто» [13. С. 92; 12. Р. 80]; во-вторых, «всякая cogitatio принимает explicite форму Ego cogito» [13. С. 89; 12. Р. 76], т.е. для Шпета «Moi pur» конкретно не существует. Каждый акт познания, каждое переживание сознания требует олицетворения. Поэтому, как это будет у Гуссерля в *Картезианских размышлениях*, Шпет, в 1914 году, ставит одновременно вопрос о «Я» и о «Другом», о «самости» и «инаковости» и характеризует процесс познания как неотделимый от переживаний или «Я», или «Другого». Но своей целью Шпет отличается от Гуссерля. В *Явлении и смысле* он хочет раскрыть структуру слова и выражения. И как мы знаем, роль и место субъекта в установлении, употреблении и даже постоянном восстановлении всех элементов этой структуры занимает немалое место. Несколько лет спустя Шпет вернётся ещё к этой проблематике, чтобы развивать её в том же направлении. Это будет в *Сознании и его собственнике*, где он опять поставит ударение на «ego» и постарается ответить на вопрос «Чьё это сознание?» [17. С. 76]. Для него: «Я есть именно проблема» [17. С. 77], и «безразлично, понимается ли я как "общее" или трансцендентальное, или как единичное и единственное Я, как имярек» [17. С. 77–78]. Здесь, как и в предыдущих примерах, мы видим, что *Явление и смысл* является этим первоначальным текстом, в котором открываются основные темы всего творчества Г. Шпета.

• Возьмём другой пример, ещё более показательный для таких лингвистических фактов, как смысловые передвижения. Это касается нескольких слов-понятий, которые в шпетовском тексте соотносятся друг с другом и этим подвергаются сдвигам в своём значении. Если в переводе каждое из этих русских слов имеет свой коррелят во французском, это не мешает тому, что переводчик должен был аккуратно следовать за мыслью русского философа, чтобы найти подходящие слова для их перевода и уяснить их содержание. Мы сталкиваемся здесь именно с указанным

выше феноменом: терминологические переоценки и лексические изменения, которые означают определённое направление мысли и происходят одновременно с её развитием.

Речь идёт о следующих словах-понятиях: уразумение, усмотрение, интеллигибельная интуиция, о классической разнице между рассудком и разумом, и о постепенном её преодолении посредством сдвига в значениях и квази-отождествлениях духа и разума.

Здесь, как в предыдущих примерах, Шпет исходит из классической философской немецкой терминологии, т.е. из кантианского различия между «разумом» и «рассудком». В конце 6-й главы он ссылается на Якоби [13. С. 154; 12. Р. 149], который не хочет видеть в рассудке «второй источник познания» из-за того, что для него предметы рассудку «не *даются*, а только *мыслятся*» [13. С. 154; 12. Р. 149].

► В этих двух последних примерах, как и в предыдущих, мы видим, как Шпет требует от своего читателя входа в герменевтический круг, который он создаёт, чтобы выделить из него, с помощью феноменологии, но с постепенным отстранением от неё, своё изобретение о структуре слова и выражения. В этом и состоит, наверное, основная проблема перевода *Явления и смысла*.

Литература

1. Шпет Г.Г. Явление и смысл, Феноменология как основная наука и её проблемы. М.: Гермес, 1914.
2. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie (Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии), I, Max Niemeyer, Halle, 1913.
3. Dennes M. Husserl-Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie, Paris, L'Harmattan, 1998, coll. Ouverture philosophique.
4. Dennes M. Le renouveau de l'herméneutique à travers la reprise en compte de l'œuvre de Gustav Chpet // Chroniques slaves, 2006, # 2, CESC, Université Stendhal-Grenoble 3. P. 173–183.
5. Le corps de l'écriture dans la modernité russe, M. Weinstein (Dir.), PUP (Publications de l'Université de Provence, Aix-en-Provence, 2007. P. 209–219.
6. Денн М. (Dennes M.) Роль и значение ссылки на номинализм в тексте Г. Шпета «Явление и смысл» // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект) // Г.Г. Шпет / Comprehensio, Четвёртые шпетовские чтения / отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–37.
7. De la 'structure du mot' à la 'forme interne' chez Gustav Chpet", in L'Allemagne des linguistes russes, Revue germanique internationale, N°3, CNRS éditions, Paris, 2006. P. 77–92, <http://rgi.revues.org/114>.
8. «La structure du mot et de l'expression dans l'œuvre de Gustave Chpet, et sa signification pour l'histoire du structuralisme », Gustave Chpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique, Toulouse, Slavica Occitania, 2008, 26. P. 13–19; «Структура слова и выражения в творчестве Густава Шпета и её значение для истории структурализма» (Пер. Н.В. Кислова),
9. Dennes M., Lektorski V.A., Pruzhinine B.I., Schedrina T.G. (réd.), Густав Шпет и его философское наследие. У истоков семиотики и структурализма [Gustave Chpet et son héritage philosophique. Aux sources de la sémiotique et du structuralisme]. М.: Росспэн, 2010. С. 143–153.
10. Dennes M. Die Hauptthesen Gustav Špets zur Wort- und Ausdrucksstruktur und ihre Anwendung als methodologisches Prinzip (insbesondere an der GACHN). // A. Hansen-Löve, B. Obermayer, G. White (hrsg), Form und Wirkung, Wilhelm Fink, München, 2012. P. 55–71;
11. Dennes M. G. Spet : l'héritage et la critique de Humboldt comme accomplissement d'une œuvre scientifique, Cahiers de l'ILSL, 2012, 33: Humboldt en Russie, P. Sériot (éd.), Université de Lausanne, 2012. P. 17–33.

12. Chpet G.G. Le Phénomène et le sens. La phénoménologie comme science fondamentale et ses problèmes, Traduit par Maryse Dennes et Françoise Teppe, Préface de Maryse Dennes, Postface de Françoise Teppe, éditions de la Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine (MSHA), Pessac, 2013, coll. Russie Traditions Perspectives N°2. 193 p.

13. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2005.

14. Ricœur P. Idées directrices pour une phénoménologie. Paris: Gallimard, 1950.

15. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. Изд. 3-е, ... 11.

16. Zavaloff N. PR, linguistique, théorie de la traduction, sciences cognitives. Kime, 2007.

17. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 20–116.

Denn Mariz Université Bordeaux Montaigne (Pessac, French Republic)

DOI: 10.17223/1998863X/32/3

Tepp Fransuaza Université Bordeaux Montaigne (Pessac, French Republic)

DOI 10.17223/1998863X/32/3

THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF APPEARANCE AND SENSE IN THE CONTEXT OF THE INTERSECTION OF PHENOMENOLOGY AND HERMENEUTICS

Keywords: phenomenology, hermeneutics, appearance, phenomenon, the structure of the word and expression, object, subject, the problem of "I"

For over a decade in Bordeaux, we have been translating Russian philosophical texts, in particular texts of Gustav Gustavovich Shpet. Nikolai Zavalov translated *The inner form of the word* (1927), published in Paris in 2007, we with Fransuaza Tepp translated *Appearance and sense* (1914), published in 2013 (in the Aquitaine House of Human Sciences / MSHA, Bordeaux/ collection "Russian Tradition Perspectives", organized and directed by me). The first version of *Appearance and sense* introduced the contents of the first volume of Husserl's *Ideen* in an analytical and critical way. Hermeneutics and phenomenology in this text are closely connected, constantly intersect and here there are some thoughts about the structure of the word and expression. Translation allows us to understand not only how the basic ideas, important for the development of Shpet's work, are formed, but also how his style is formed and his own language manifests itself, being both philosophical and profoundly individual. We managed to put forward some of the characteristics of this style and understand deeply a number of his ideas and concepts. In *Appearance and sense* there are some linguistic facts such as semantic movements, terminology revaluation and lexical changes that are difficult for translation. Considering these difficulties we can suggest that Shpet is at first bound by the terminology of German idealism gradually gets rid of it by changes in the meanings of words.

References

1. Shpet, G.G. (1914) *Yavlenie i smysl, Fenomenologiya kak osnovnaya nauka i eya problem* [Phenomenon and meaning. Phenomenology as a basic science and its problem]. Moscow: Germes.

2. Husserl, E. (1913) *Ideen zu einer reinen Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie* [The ideas of pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Halle: Max Niemeyer.

3. Dennes, M. (1998) *Husserl-Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie* [Husserl-Heidegger. Influence of their work in Russia]. Paris: L'Harmattan.

4. Dennes, M. Le renouveau de l'herméneutique à travers la reprise en compte de l'œuvre de Gustav Chpet [The revival of hermeneutics through the trade-in of the work of Gustav Shpet]. *Chroniques slaves*. 2. Université Stendhal-Grenoble 3. pp. 173–183.

5. Weinstein, M. *Le corps de l'écriture dans la modernité russe* [The body of writing in Russian modernity]. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. pp. 209–219.

6. Dennes, M. (2003) Rol' i znachenie ssylki na nominalizm v tekste G. Shpeta "Yavlenie i smysl" [The role and meaning of the reference to nominalism in Shpet's "Phenomenon and Meaning"]. In: Mazaeva, O.G. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie Gustava Gustavovicha Shpeta v kontekste filosofskikh problem formirovaniya istoriko-kul'turnogo soznaniya (mezhdistsiplinarnyy aspekt)* [Gustav Shpet's creative heritage in the context of philosophical problems of the historical and cultural consciousness formation of (the interdisciplinary aspect)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–37.

7. Dennes, M. (2006) De la 'structure du mot' à la 'forme interne' chez Gustav Chpet [The "word structure" to the "inner form" by Gustav Shpet]. *Revue Germanique Internationale*. 3. pp. 77–92. [Online] Available from: <http://rgi.revues.org/114>.
8. Dennes, M. (2008) La Structure du mot et de l'expression dans l'oeuvre de Gustave Chpet, et sa signification pour l'histoire du structuralisme [The structure of the words and expressions in the works of Gustav Shpet and its importance for the history of structuralism]. *Slavica Occitania*. 26. pp. 13–19.
9. Dennes, M., Lektorski, V.A., Pruzhinine, B.I. & Schedrina, T.G. (eds). *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie. U istokov semiotiki i srukturalizma* [Gustav Shpet and his philosophical heritage. At the origins of semiotics and structuralism]. Moscow: ROSSPEN. pp. 143–153.
10. Dennes, M. (2012) Die Hauptthesen Gustav Špets zur Wort- und Ausdrucksstruktur und ihre Anwendung als methodologisches Prinzip (insbesondere an der GACHN) [The main theses of Gustav Shpet about word and phrase structure and its use as a methodological principle (particularly at the State Academy of Arts)]. In: Hansen-Löve, A., Obermayer, B. & Whitte, G. (eds). *Form und Wirkung* [Form and Effect]. München: Wilhelm Fink. pp. 55–71.
11. Dennes, M. (2012) G. Spet: l'héritage et la critique de Humboldt comme accomplissement d'une œuvre scientifique [G. Shpet: Legacy and criticism of Humboldt as the fulfillment of a scientific work]. *Cahiers de l'ILSL*. 33. pp. 17–33.
12. Shpet, G.G. (2013) *Le Phénomène et le sens. La phénoménologie comme science fondamentale et ses problèmes* [The Phenomenon and meaning. Phenomenology as a basic science and its problems]. Translated from Russian by M. Dennes, F. Teppe. Pessac: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine (MSHA).
13. Shpet, G.G. (2005) *Mysl' i slovo. Izbrannye trudy* [Pehnomenon and speech. Selected works]. Moscow: ROSSPEN.
14. Ricœur, P. (1950) *Idées directrices pour une phenomenology* [Guiding ideas for phenomenology]. Paris: Gallimard.
15. Shpet, G.G. (1927) *Vnutrennyaya forma slova. Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The inner form of the word. Essays and variations on Humboldt]. Moscow: State Academy of Arts.
16. Zavialoff, N. (2007) *PR, linguistique, théorie de la traduction, sciences cognitives* [PR, linguistics, translation theory, cognitive science]. Kime.
17. Shpet, G.G. (1994) *Filosofskie etyudy* [Philosophical essays]. Moscow: Progress. pp. 20–116.